

ИЛЬЯ БУШМИН

Под подозрением

Илья Бушмин

Под подозрением

«Издательские решения»

Бушмин И.

Под подозрением / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740115-3

Пробираясь в квартиру женщин, маньяк душил их и топил в ванне. После череды жестоких убийств под подозрение попадает... капитан полиции Филин. Ведь известно, что всех убитых женщин связывало лишь одно — каждая из них встречалась с опером. Загвоздка лишь в том, что сыщик никого не убивал. Зачем загадочному садисту подставлять Филина? Чтобы спасти себя от тюрьмы и преследования собственных коллег, опер обязан разобраться в этом. Опасная игра началась.

ISBN 978-5-44-740115-3

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
1	8
2	15
3	20
Часть 2	31
1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Под подозрением

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-0115-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В чувство Филина привели по-садистски жестко. Хрулев просто схватил его за левое плечо и вонзил большой палец в центр марлевой повязки, которая закрывала огнестрельную рану. Пуля прошла насквозь сквозь мягкие ткани, а благодаря многочисленным обработкам и перевязкам пулевой канал внутри мышечной ткани срастался. И вот теперь Хрулев, жестко ухмыляясь, вонзил палец прямо в рану.

Боль была такой адской, что Филин, мгновенно придя в сознание, заорал во весь голос и тут же сорвал его до хрипоты. Хрулев отступил в сторону, он продолжал ухмыляться и почти любоваться извивающимся на стуле Филиным.

– Оклемался. Хорошо. Теперь я хоть буду знать, где у тебя кнопка.

– Б... дь, – простонал Филин, тяжело дыша.

Его передергивало и коржило от боли. Покосившись на плечо, Филин увидел, как марлевая повязка быстро пропитывается кровью изнутри. Он взвыл от ярости.

– Ну ты и гнида, Хрулев... Ты мне ответишь! Клянусь, ты ответишь...

Филин не узнавал собственный голос – он звучал так, словно Филин набрал в рот камней. Паршиво...

Сразу же Филин получил в новый удар, кулаком в солнечное сплетение, и захлебнулся собственным дыханием. Он согнулся, чувствуя тянущую противную боль в напряженных суставах рук, скованных сзади наручниками. Филина скрутило пополам и в очередной раз вырвало.

Глаза слезились, но он увидел, что в рвоте, хлопьями разбросанной по его ногам и полу вокруг, крови почти не было. Значит, необратимых повреждений пока нет.

Филин не знал, как долго продолжалась эта экзекуция. Час? Полтора? Два? А может, даже три?... Филину казалось, что он провел здесь уже целую вечность. В камере для допросов не было окон. От мощных ударов его мучителя глаза Филина заплыли и налились кровью, лицо распухло и местами почернело. Кровь сочилась из разбитого рта и из уха. Вся грудная клетка стонала при каждом вдохе – возможно, у него уже трещины и переломы ребер. В голове звенело, перед глазами плыло, а голос Хрулева доносился до него, словно сам Филин находился в огромном колоколе под водой.

– А ты, Филин, оборотень похлеще всех, с кем я дело имел. А я повидал многих, уж поверь... Но ты... это что-то особенное. Одно дело – это заяву затереть или доказуху сфабриковать. Этим все опера грешат, чего уж скрывать. Ну или какому-нибудь уголовнику на допросе почки отбить. Но мочить людей... Серийный убийца, маньяк. Я на тебе карьеру сделаю.

А потом были новые удары. От некоторых Филин стонал, от некоторых кричал. Он знал, что его крики никто не услышит. Допросная находилась в глухом подвале городского УВД. Здесь были достаточно толстые стены для того, чтобы никто наверху ничего не услышал – даже, если с человека будут сдирать кожу.

Допросная – не самое подходящее слово для этого помещения. Скорее, пыточная...

– После всей той кучи трупов, Филин, я с тебя не слезу. И ты у меня напишешь чистуху, – процедил Хрулев, наступая и готовясь нанести новый удар. Филин сжался, чтобы попытаться уберечь внутренние органы.

Но он знал, что это бесполезно. Если Хрулев действует, не боясь оставить следы – значит, ему дали отмашку сверху. А это значит, что Филина могут бить, пытать и мучать не только всю ночь. Экзекуция может продолжиться и на следующий день. И на третий. И даже на четвертый. Могут сделать инвалидом. А могут забить до смерти. Сейчас Филин верил, что Хрулев способен на все.

Филин верил, что убийцы заслуживают самого сурового наказания. За свою жизнь он видел слишком много смертей и крови и понимал, что некоторые из двуногих – не люди вовсе. Люди не способны на такие зверства.

Филина обвиняли в целой куче смертей. Жестоких убийств беззащитных людей. А по телевизору он собственными глазами видел свое фото – ведущая зловеще повторяла и повторяла фразу «серийный убийца». Один раз даже промелькнуло зловещее слово «маньяк». Для многих он – такой же человекоподобный зверь, заслуживающий самого страшного. Если Филина даже забьют до смерти в этой пыточной... кто в городе будет плакать? Кто будет взывать к правосудию?

Проблема была лишь в одном. Капитан уголовного розыска Алексей Филин никого не убивал.

Часть 1

1

За две недели до этого

Несмотря на время – было только около 10 вечера – Филина клонило в сон. Сказывалось то, что перед выездом на заявку он не успел глотнуть кофе в отделе. Косясь из окна ползущего по ухабам фургона «дежурной части» на проплывающие мимо темные покосившиеся домишки и слушая урчащую рацию, он не заметил, как задремал. Разбудил его голос водителя, который буркнул в микрофон рации:

– Слушаю, Тайга-2.

– Вы где? – захрипела рация голосом диспетчера.

– С заявочки возвращаемся. По Инструментальной.

– А, вы рядом, – сообразил диспетчер. – Короче, Магистральная, 13. Избили кого-то сильно, уже два сигнала было. ППС выслал.

– Понял, Тайга-2, – взгрустнулось водителю.

– Филину скажи, пусть определится, на что похоже. Если тяжкие телесные, пусть свистнет.

Повесив микрофон, водитель обернулся на Филина:

– Слышал?

– Пусть не учит папу любить маму, – проворчал Филин.

Белая с синей полосой полицейская «Газель» свернула на ближайшем перекрестке и поползла на адрес.

Промышленный район всегда был самым криминогенным в городе. В прошлом веке, в расцвет индустриализма в стране, здесь, тогда на окраине, отгрохали несколько заводов. Половина из них уже давно закрылась. Но тогда заводы стали обрастать жилыми кварталами, где оседали работяги и их семьи. Застройка велась абы как, и половина улиц района до сих пор имеют странные изгибы. Они петляют змеей, разве что в узел не заворачиваясь. Дополняют картину железнодорожные пути, испещряющие районную карту – «железки» тянутся от ворот предприятий к общему полотну в несколько рядов, которые через несколько километров упираются в городской вокзал. Чем дальше вглубь Промышленного, тем более темные улицы, грязные дороги, убогие дома и угрюмые люди.

Криминальная обстановка в Промышленном районе всегда была паршивой. Нигде в городе нет столько судимых, наркоманов, алкашей и маргиналов, как в Промышленном. Преступления – соответствующие. Заказух – единицы, причем часто их сразу забирает городской главк. Какие-то крупные ОПГ – тоже. Зато угонов и краж, гоп-стопов и разбоев, поножовщин и бытовых по пьяной лавочке – столько, что угрозыск Промышленного ОВД (или, как теперь это называется, ОМВД №3) буквально захлебывался.

Поэтому, когда много лет назад Филин пришел в ментуру и был направлен по распределению именно сюда, в Промышленный, то первые пару лет он мечтал лишь об одном – выбраться отсюда. А потом... Выучил район и свою «землю», к которой он, как опер-территориал, был прикреплен. Даже завел агентуру. Обзавелся квартиркой неподалеку от ОВД. Да и привык, как это всегда бывает.

В эти сутки Филин дежурил от оперов. С вечера – вал заявок в отделе. Возвращаясь домой, люди видели, что квартиры, дома или гаражи вскрыты. Одновременно начали поступать пассажиры от ППС – в основном перепившие бедолаги. Последней заявкой был очеред-

ной семейный мордобой. Соседи вызывают ментов на адрес минимум раз в неделю. Мужа Филин отправил проспать в отдел, жена с красочным фингалом пообещала подойти и написать заявление. Филин знал, что этого не будет. Не впервой.

Когда фургон дежурки добрался до дома 13 на Магистральной, во дворе уже стояли машина ППС и «скорая». Люди в синих мундирах и синей униформе фельдшеров неотложки возились на грязном пространстве перед домом, которое когда-то было детской площадкой. Когда Филин выпрыгнул из «Газели», к нему шагнул ППСник Самохин.

- Здорово, Филин. Ты сегодня по заявочкам?
- Нет, чисто на тебя полюбоваться заскочил. Что тут?
- Чувачку знатно рыло начистили.

Филин обернулся на дом. Около одного из подъездов судачили две пожилые женщины, с любопытством наблюдая за возней около избитого.

- Дэн, поговори с теми двумя леди пока, вдруг они видели что.
- Хмыкнув, Самохин направился к дому.

Двое фельдшеров с помощью самохинского напарника перекладывали терпилу на носилки. Подойдя к ним, Филин увидел распухшее от синяков и побоев лицо молодого человека. Он был без сознания. На его шее он заметил извилистую татуировку.

- Погодите-ка, – Филин присмотрелся к избитому. – Опа. Так это же Буч.
- Рады за вас, – съязвил фельдшер. – Можно его грузить?
- Секундочку. – Филин принялся шарить по карманам Буча. – И что с ним?
- Побои, колото-резаных и проникающих нет, это уже хорошо, – отозвался фельдшер. –

Но били от души. Вряд ли голыми руками. Может, бита, может, кастет. Сотрясение, возможно черепно-мозговая.

В карманах Буча Филин нашел ключи от дома, кошелек, телефон – ничего интересного. Прихватил лишь ключи. Отступив, Филин поинтересовался:

- Куда вы его?
- Третья городская, они сегодня дежурят.
- Вы им там про телефонограмму скажите.

Кивнув, фельдшер махнул рукой коллеге, и вдвоем они загрузили Буча в «скорую». А Филин направился к подъезду, где Самохин расспрашивал пожилых женщин.

– Вот, это Марья Петровна, она в дежурку звонила, – поведал Самохин, указывая на одну из старушек.

– Я только домой пришла, слышу крики за окном, – возбужденно зажестичулировала женщина. – Как будто убивают кого-то. Я к окну, так не видно же ничего. А там все кричат и кричат, и крики такие... такие жуткие... ну, знаете, как будто...

- Как будто убивают кого-то? – догадался Филин.
- Вот-вот!
- Говорите, домой только пришли? А откуда шли, если не секрет? Поздно же.
- Так из соседнего подъезда, от подруги. Что, думаете, я по ночам шарахаться по улицам буду? Совсем что ли дура?

Пряча улыбку, Филин указал на выползающую со двора «скорую».

- Этого знаете? Бучельников. В вашем доме живет.
- Так это он, – протянула старушка. – Доигрался, значит?
- Ну-ну, – многозначительно поддержала ее вторая.
- Когда домой возвращались, видели его во дворе?
- Видела! Он тут вот рядом стоял, – старушка махнула рукой в сторону, – Говорил с кем-то. Даже не говорил, ругался. Громко, с матом. Докричался, значит?
- Ну-ну, – поддержала вторая старушка.
- А с кем ругался, видели?

– Смутно, – поспешно подчеркнула старушка. – Узнать точно не смогу.

– Конечно, – не стал спорить Филин. Заявлять, что сможешь опознать преступника – дело еще более дурное и опасное, чем шарахаться по ночам по улице. – Ну а вот даже смутно? Как примерно выглядел? Толстый, худой, высокий, низкий?

– Бугай такой. Да, бугай. Высокий, здоровый такой лоб, знаете.

Буч жил в соседнем подъезде. Отработав в районе не год и не два, Филин отлично знал Марата Бучельникова. Сидящий на героине мелкий барыга с двумя условными сроками. Как он умудрился дважды получить условку за наркотики – Филин не знал. Подозревал, что Буч просто сливал кого-то в обмен на максимально мягкое наказание. Прощельга он был еще тот. Хотя когда ему ничего не грозило, Буч всегда гнул пальцы и строил из себя крутого.

«Достроился. Ну-ну», – невольно подумал Филин, заходя в грязный подъезд. Пятиэтажка-хрущевка, лифта нет. Хорошо хоть, квартира Буча была на третьем этаже. Старая и шаткая деревянная дверь с дешевым замком. Филин позвонил в дверь. Тишина. Тогда он открыл квартиру ключами Буча.

Филина встретили вонь и темнота.

– Есть кто-нибудь дома? Полиция.

Достав телефон, он включил фонарик – хвала разработчикам за эту функцию. Посветив себе, увидел мусорные пакеты у стены, разбросанную обувь, пустые бутылки. Настоящий бардак, и это только прихожая.

– Есть кто-нибудь дома? Ау? Полиция.

Филину никто не отвечал. Но он уловил какие-то странные, далекие и близкие одновременно, звуки. В этой темноте и вони было жутковато. Филин достал пистолет, снял с предохранителя. И, светя перед собой, побрел внутрь. Надо было взять с собой Самохина, запоздало подумал он.

Продираясь в темноте вперед, Филин оказался на пороге гостиной. Заглянул внутрь. Жуткий бардак. Почти никакой мебели и никакой техники, кроме полуразбитого ноутбука на грязном матрасе. Пустые бутылки, какие-то кастрюли. Повсюду тряпки. С потолка свисали гирлянды, от которых все выглядело сюрреалистично и еще более жутковато.

С двери с тихим шорохом упала какая-то тряпка. Филин невольно отскочил назад, вскинув оружие. Выматерился. И, выйдя в прихожую, побрел по коридору в другую сторону. Пистолет не убирал. О квартире Буча ходила дурная слава. Если здесь кто-то из обдолбанных корешей-клиентов Буча – можно и между ребер перо получить.

Теперь звук приближался. Двинувшись вглубь квартиры, за углом Филин наткнулся на другую дверь. Железная и надежная, с мощным замком. Из-под нее пробивался свет. Звук шел изнутри. Лишь теперь Филин сообразил, что это за звук. В комнате за железной дверью, словно ведущую в тайный бункер, мирно работал телевизор.

С облегчением выдохнув, Филин постучал в дверь.

– Откройте, пожалуйста. Полиция.

– Кто это? – раздался из-за двери настороженный голос. Женский. Этот голос Филин пару раз уже слышал. Мать Буча.

Теперь все встало на свои места. За дверью была спальня. Отгородившись от собственной квартиры железной дверью, там жила мать Буча.

Еще одна социальная трагедия. В Промышленном таких историй тысячи.

– Полиция. Уголовный розыск, капитан Филин.

– Что вам нужно? Как вы вошли?

– Вашего сына сильно избили во дворе. Его увезли в больницу.

После паузы дверь приоткрылась. Тощая и изможденная женщина, ей было не больше 50, но выглядела она значительно старше. Филин показал ей удостоверение. Убедившись, что это полиция, Бучельникова с облегчением пропустила его в комнату.

Кровать, стол, холодильник, телевизор, шифоньер – и все это в крохотной клетушке три на три метра.

– В больницу?

– В третью городскую. Во дворе Марат с кем-то ругался. Я хотел спросить, к нему вечером заходил кто-нибудь? Может, вы слышали, видели?

– Да что я могу слышать, – горько усмехнулась женщина, садясь на кровать. – У него постоянно кто-то отирается. Они слушают музыку, ржут до утра, дерутся, – чего у них только не бывает. А я прихожу домой с работы и сразу закрываюсь тут. Сiju, включу телевизор, чтобы не слышать ничего. В туалет даже боюсь выйти. Вдруг какой-нибудь наркоман из его дружков прибьет меня. В собственной квартире... Житья с ним нет никакого...

Но Филин не сдавался.

– А кто из его дружков чаще всех бывает? Может, вы хоть кого-нибудь знаете?

– Ерофеев Федька, – подумав, отозвалась Бучельникова. – Одно время часто заходил. Сейчас не знаю... Я от этих наркоманов бежать готова на край света, лишь бы рожи их не видеть. Знали бы вы, каково это живется. В собственной квартире боюсь спать. Только дверь железная и спасает. Это не жизнь, а...

Она попыталась найти сравнение, но, вероятно, не смогла. Потому что, подняв на Филина потухшие глаза, произнесла:

– Лучше бы его убили...

Социальная трагедия. Возражать женщине было невозможно, а соглашаться – неправильно. Филин был с ней согласен. Но он промолчал.

Вернувшись в «Газель», Филин первым делом спросил у водителя:

– Сигналы еще были?

– Был один, но там ложный оказался. Пока голяк. Поехали в отдел, а? Я жрать хочу, не могу.

– Поехали, – согласился Филин. – Только давай крючок сделаем по Западной.

Заводя двигатель, водитель помрачнел и выматерился.

– В кабак этот зайти хочешь? Опять? Филин, каждое твое дежурство мы в этот кабак...

– Это работа, – возразил Филин. – Тут три квартала до кабака. А Буч наркотой банчил. При нем ничего нет. Рожу ему начистил кто-то знакомый. Если он разжился бабками, почему бы ему в ближайшем кабаке пивка не хряпнуть, а?

Водитель лишь вздохнул, выезжая со двора.

Охранник на входе встретил Филина настороженно и недружелюбно.

– Опять вы?

– Какие-то проблемы, Локоть? – процедил Филин.

– Нет, никаких проблем. Заходите.

Энтузиазма в его голосе не было, но Локоть сразу же отступил в сторону. Провожая опера недобрым взглядом, снял с пояса рацию.

– Скажите боссу, этот мент снова здесь.

Когда Филин шагнул внутрь, в ушах сразу загремела клубная музыка.

Во всей округе «Саванна» был единственным развлекательным заведением, не считая пары убогих и грязных пивных. В «Саванне» можно было не только выпить, но и перекусить и даже потанцевать самому или посмотреть на то, как это делают другие. Например, танцовщицы «Саванны». Конкурентов у «Саванны» не было, проблем тоже. Здесь никто не пытался бить окна, воровать, дебоширить и позволять себе прочие выходки в стиле Промышленного района. Почему? Ответ был прост. Хозяин «Саванны» Геннадий Артюков. Более известный в узких кругах как Генка Штык.

На сцене извивалась полуголая танцовщица, по телу которой бегали лучи светомузыки. В свете вспышек на танцполе перед сценой резвились человек 10. Идя мимо них, Филин скользил взглядом по лицам танцующих и сидящих за столиками и потягивающих пиво людей. Несколько знакомых. Здоровых «лбов» не было. Но Филин был уверен, что избивший Буча громила не нарисуеться здесь. В «Саванне» опер появился по другой причине. По той же, что и всегда.

За залом с танцполом было второе помещение, с барной стойкой и столиками. Здесь было тише, светлее и благороднее. В этом зале отдыхали те, кто мог позволить себе не только пиво. Идя через зал, Филин видел, как бармен сверлит его глазами. Но при приближении опера бармен улыбнулся.

– Господин капитан. Как обычно?

Филин кивнул, присаживаясь к стойке. Пока бармен колдовал с кофе-машиной, делая эспрессо, Филин осматривался в зале. Взгляд зацепился за типа, который выпивал в компании с размазанной девицей. Рожа типичного урки. Наколка на пальце. Наш клиент.

– Все спокойно?

– У нас всегда спокойно, господин капитан.

– Не сомневаюсь. Здоровый лоб на нервах не заскакивал?

– Я не видел, господин капитан. Ваш кофе. Это за счет заведения.

А вот и Штык. Уже предупредили. В дорогом костюме, но без галстука. Рубаха расстегнута на верхние пуговицы, демонстрируя золотую цепочку. На запястье швейцарские часы. Выйдя из служебных помещений, Артюков, натянуто улыбаясь, направился к Филину.

– И снова вы. Никак мимо проехать не можете, Алексей Борисыч.

– Работа такая... Штык.

Улыбка на миг слетела с холеной физиономии Штыка. Но он тут же взял себя в руки и снова натянуто и фальшиво, при этом даже не пытаясь это скрыть, улыбнулся.

– Мы полицию не вызывали.

– Это кто? – Филин кивнул на урку.

– Клиент, Алексей Борисыч.

– Тут неподалеку одного типа избили. Около часу назад.

– Этот человек сидит здесь уже давно, минимум два часа, – поспешно вставил бармен.

Филин снова оглянулся на урку.

– Графин почти полный. Или это второй? По нему не заметно, что он уже вылакал пузырь.

– Алексей Борисыч, – после паузы сказал Штык. – Давайте не будем мешать друг другу жить, хорошо?

– Мешать друг другу? – сухо хмыкнул Филин. – Штык, не переоценивай себя. И кстати. Если уркаган вроде тебя открыл кабак и прикинулся, он не перестал быть уркаганом.

Штык-Артюков с удовольствием врезал бы Филину, Филин видел это по его лицу. Филину нравилось злить ублюдка.

Филин направился в туалет, – они располагались напротив служебных помещений и двери в кухню «Саванны». Но перед тем, как зайти в кабинку, Филин проверил соседние. Пусто. Тогда он достал телефон и набрал заученный наизусть номер дежурки.

– Это Филин. Я в «Саванне», тут какой-то мутный чел водяру хлещет. Пришли наряд, который поближе. Только оформи как звонок от анонима, понял?

Дежурный знал, что делать. Поэтому Филин не спешил. Зайдя в кабинку, он сделал свои дела. Неторопливо помыл руки. Оторвав бумажное полотенце, Филин вышел из мужского туалета.

В это время из женского туалета вышла девушка. Она невольно вздрогнула при виде Филина.

– Ой...!

Это была одна из танцовщиц клуба – стройная девушка лет 20 с небольшим, в покрытых стразами шортиках и лифчике. Первое, что заметил Филин – испуганный, даже какой-то затравленный взгляд. И причина была не в Филине. Но было что-то еще. И почти сразу Филин сообразил, в чем дело. Несмотря на толстый слой косметики, он наметанным взглядом успел разглядеть синяк под глазом и припухшую скулу.

– Не бойтесь, – сказал Филин, выбрасывая в урну полотенце и не сводя глаз с девушки. – Или вы не меня боитесь?

Девушка попыталась изобразить улыбку, обозначавшую «Очень мило, но отвали» и ретироваться, но Филин взял ее за локоть.

– Кто это вас?

– Что?

– Синяки. Кто вас избил?

– Отвяжись от меня, – буркнула девица, попытавшись забрать руку. Филин настойчиво повернул ее к себе, потянув за локоть.

– Эй, я из полиции. Если есть проблемы, я могу помочь.

– Нет у меня никаких проблем, ясно?

Голос девушки говорил об обратном. Она была на взводе и у нее были проблемы. Нахмурившись, Филин смотрел на девушку. Подрагивающий подбородок. Она нервно и с откровенным страхом покосилась на коридорчик, ведущий в зал с баром.

– Штык? Его боишься? Это он?

– Вы меня вообще слышите? – девица была на грани истерики. – Мне надо работать! Отпустите!

– Как знаешь, – Филин не отпускал ее локоть. – Но если вдруг передумаешь...

Свободной рукой он достал из куртки визитку и протянул ей. Девушка едва не вздрогнула при виде визитки, глядя на нее, как черт на ладан. Новый нервный взгляд в коридорчик. Но Филин не отпускал ее руку. Чтобы отвязаться от него, девицахватила визитку.

– Хорошо, я взяла, теперь все? Отпустите меня!

– Успехов.

Филин выпустил ее руку. Девушка тут же исчезла в дверях служебных помещений. Последнее, что увидел Филин – ее зажатую, скованную спину. Так выглядит страх сзади.

Когда Филин вернулся к барной стойке, в зал как раз заходили двое ППСников. Филин кивнул им на уркагана за столиком. ППСники тут же направились к нему.

– Добрый вечер. Ваши документы.

– А что такое, мужики? – оторопел уркаган.

– У вас есть документы?

Филин уселся за стойку и принялся за свой кофе. Сжав зубы, Штык наблюдал за ППСниками. Бармен старался не смотреть ни на Филина, ни в зал, ни на хозяина заведения.

Уркаган наконец сдался и достал из кармана бумажку, буркнув:

– Справка у меня.

Справка об освобождении. Шикарно, мысленно хмыкнул Филин. Учитывая нападение на Буча, которое, возможно, являлось разбоем, подозрительных личностей следовало доставить в отделение. Только что откинувшийся уркаган, неизвестно на какие шиши распивающий водку в не самом дешевом кабаке, был личностью подозрительной.

Когда ППСники уводили уркагана, притихшие гости бара провожали их глазами и перешептывались. Вечер для некоторых был испорчен. То, что нужно. Филин степенно допил кофе, достал из кармана полтинник и, небрежно бросив на стойку, поднялся.

– Удачи, Штык. Не прощаюсь, как-нибудь еще заскочу.

Филин двинулся к выходу из «Саванны», спиной ощущая всю ярость Штыка-Артюкова. Филин был доволен. Вечер не прошел насмарку.

В дежурной «Газели» выяснилось, что надо ехать на очередную заявку. Когда они двинулись в путь, водитель не выдержал.

– Дался тебе этот Штык.

– Дался, – мрачно кивнул Филин. – Он рецидивист с тремя ходками за разбои. После его последней отсидки в городе вдруг убивают коммерса и уносят из его офиса больше 15 миллионов. А через полгода Штык открывает самый дорогой в районе кабак и начинает корчить из себя бизнесмена. Выродок драный.

– Ты точно знаешь, что это он того коммерса замочил?

– Только слухи по линии агентуры. Была бы доказуха, давно бы закрыл ублюдка...

– Пусть другие этим и занимаются, тебе-то что? – пожал плечами водитель.

– А то, что Штык открыл свой долбанный кабак не где-то, а на моей земле. Взял голимых бандюганов в охрану – и хрен знает, чем он там занимается, в этом кабаке. Показываться там моя работа. Чтоб Штык не расслаблялся. Такой упырь, как он, не может разом перевоплотиться в законопослушного коммерса, понимаешь?

Водителя разговор начал уже утомлять.

– Да мне плевать, – буркнул он.

– Вот и знай рули себе, – буркнул Филин в ответ и отвернулся к окну.

2

Ночью было две бытовухи, три кражи и грабеж. Под утро еще и изнасилование. Никто не обещал легкого дежурства, но это был уже перебор. Поэтому утром Филин не выдержал и взял себе пару бутылок пива, которые «раздавил», пока заступивший на смену патруль подбрасывал его до дома. В свою квартиру Филин вошел, когда на часах было уже 10 утра. Он сразу бухнулся спать, даже не раздеваясь. Перестал мыться и ложиться в разобранную кровать Филин сразу после развода с Машей, которая настаивала на этом.

Проснулся Филин ближе к вечеру. Приняв душ, поел и выпил кофе – и наконец почувствовал себя способным жить дальше. Позвонил Лене и предложил встретиться. В такие дни – в выходные после суточных дежурств по району – Филин часто забирал ее с работы. Голос у Лены был какой-то странный, но Филин сначала не придавал этому значения. По пути к Лене он заскочил в магазин и купил бутылку вина.

Всю дорогу от центра, где Лена работала продавщицей в продуктовом магазине, до ее дома – она жила на участке Филина – Лена молчала.

– Что-то не так, Лен?

– В принципе, нет...

– Но?

– Я не знаю, как сказать, – неуверенно отозвалась Лена, украдкой покосившись на Филина.

Он пожал плечами.

– Как есть.

– Леш... Мне кажется... Как бы это сформулировать лучше... Мне кажется, в общем, что у нас с тобой... Ну... Ничего не получится.

Приехали.

– Ясно, – помолчав, сказал Филин.

– Только не злись, пожалуйста, хорошо?

– Ага.

– Ты злишься?

– У меня только один вопрос, Лена. А по телефону нельзя было сказать?

– Извини, – сконфузилась она. – Я нечасто это делаю. В смысле... рву отношения.

Машина Филина свернула во двор Лены. Филин тормознул около ее подъезда.

– Приехали.

Лена кивнула, но сразу выходить не стала – ей показалось это неправильным.

– Нашла себе кого-нибудь или как?

– Может быть.

– Так и скажи – «да, нашла», – буркнул Филин. – Думаешь, я сцены закатывать буду? Взрослый уже мальчик.

– Извини.

«Хватит все время извиняться», – хотел сказать Филин, но не стал. Еще подумает, что он пытается действительно закатить ей сцену.

С Леной Ермишко, миловидной 32-летней женщиной, Филин встречался примерно полгода. По выходным, в том числе в выходные после ночных дежурств, а также в те редкие вечера, когда он освобождался от работы пораньше. Познакомились они просто – Лена сама пришла в ОВД. Ее направили к Филину, потому что она жила на территории, за которую отвечал именно Филин – это была его «земля». Подставив под ее автомобиль свою бывалую «пятерку», упырь по кличке Блоха стал требовать деньги и угрожать. Лена жила в Промышленном, но пока от криминала бог ее миловал, здесь она стала жертвой преступников впервые.

Для Лены это был такой шок, что она поняла – водить машину она больше не будет. Обычный наезд. Но для Промышленного автоподставы были редкостью, и работа по делу оперу понравилась. А когда Блоха оказался за решеткой в камере СИЗО, Лена «отблагодарила» Филина. Так все и началось. Иллюзий по поводу их отношений Филин не питал. Но почему-то думал, что закончится все несколько иначе.

– Надо было сказать по телефону, – высказался Филин.

Помедлив, Лена взяла его за руку.

– Леш, только не злись на меня. Я хотела сказать тебе спасибо за все, что ты сделал. У меня была сложная ситуация, тот гад угрожал, я даже спать боялась. Ты мне помог, я была тебе просто дико благодарна... А потом все как-то само собой... закрылось.

– Вроде того.

– Мы видимся редко. Понимаю, у тебя работа такая, но... мне этого мало. И мне нужно двигаться дальше, понимаешь?

– Дело в этом? В моей работе?

– Не только, – нехотя призналась Лена.

– Да нет проблем.

Кивнув и улыбнувшись на прощанье, Лена выбралась из машины. А Филин вспомнил про бутылку вина.

– Стой!

Лена обернулась. Филин взял с заднего сиденья вино и, подойдя, вручил бутылку Лене.

– Это тебе. Удачи, Лен.

Филин сел за руль и уехал.

Никто из теперь уже бывших любовников не обратил внимание на неприметный автомобиль в стороне – темно-красный «Рено-Логан». И уж тем более не заметил, как из салона машины за их прощанием пристально следила пара глаз.

Утром после развода Басов попросил Филина остаться в кабинете. Когда остальные опера вышли, Басов буркнул:

– Опять в «Саванну» заезжал?

– И что? Уркаган, которого по моей просьбе выцепили оттуда, чист?

– Не совсем. Его пальцы по краже проходят. Позавчера в Южном. Откинулся неделю назад, заморыш, а уже наследить успел, – подумав, Басов нехотя добавил: – Хоть эта палка и не нам, но все-таки поздравляю.

– Не зря значит съездил.

– Леха, этот Штык на тебя когда-нибудь крутую жалобу напишет.

– Но ты же меня прикроешь? – усмехнулся Филин.

Басов и Филин начинали работу в угрозыске примерно в одно и то же время. Но Филин после ППС, тогда как Басов после средней школы милиции – «школы оперов» – и уже со званием старлея. И с каждым годом Филин отмечал, что Басов вроде бы работал так же, но был более удачлив. Басов считал иначе. Филин не умел договариваться, не умел быть лояльным, когда того требовала ситуация, и не мог промолчать, когда стоило. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Басов – хороший и крепкий опер, но умеющий воспользоваться моментом гораздо лучше приятеля – со временем возглавил уголовный розыск ОВД №3. Тогда как Филин до сих пор ходил в простых операх, хоть и с погонами капитана.

– Я для того шефом угро стал, чтобы твою задницу прикрывать, ага, – проворчал Басов.

– И для этого тоже. Это часть работы, – снова усмехнулся Филин.

Свою «землю» Филин делил с другим опером, Романом Попцовым. Несколько лет назад он переехал в город из райцентра, расположенного в ста километрах отсюда – говорят, не пола-

дил с начальством. Лучшими друзьями они не были, но Попцов оказался нормальным мужчиной, с которым было легко работать. Буч жил на их территории, а значит, материал достался им. Звонок в больницу был неутешительным – Буч не умер, но до сих пор находится без сознания.

Ближе к обеду они отправились к Феде Ерофееву, корешу кем-то забитого Буча. Дома его не было.

– Ерофеев гараж неподалеку снимает, – вспомнил Филин. – Прокатимся?

– На кой хрен? Подождем.

– Ерофеев анашой сейчас банчит. А живет он с предками. Батя его мужик крутой, увидит дома траву – башку мигом открутит. Соображаешь, к чему я?

Попцов соображал.

– Врубился, Лех. Сразу бы сказал. Поехали в гараж.

Ерофеев снимал гараж в кооперативе на Заводской. Ворота закрыты, замок снаружи, никого нет. Опера бросили машину на углу, чтобы можно было изнутри наблюдать за гаражом Ерофеева, и принялись ждать.

– Лех, а с каких пор Ерофеев анашой банчит? Он кореш Буча. А Буч героинщик знатный, ему анаша как мертвому припарка.

– Между ними рамсы какие-то были, – отозвался Филин. – Ну ты сам в курсе, Буч строит из себя авторитета. Вот и поцапались. Пару месяцев назад дело было.

– Думаешь, Ерофеев ему рыло начистил?

– Все может быть.

Попцов замолчал, но не выдержал.

– Откуда наводка про анашу, колись.

– Откуда-откуда, – хмыкнул Филин. – Баба его растрепала, Зинка Кучерявая, когда ее ППСы с анашой на кармане хлопнули.

А потом появился Ерофеев. Он пришел пешком, что было странно. Покосившись на выглядывавшую из-за угла машину оперов – Филин и Попцов вжались в сиденья, чтобы их закрыл угол – Ерофеев принялся поспешно открывать гараж. Филин выглянул из-за угла. Ерофеев скрылся внутри.

– Пошли.

Достав оружие, они быстро направились к гаражу. До открытой створки ворот оставалось метров пять, когда оттуда показался Ерофеев с небольшим пакетом в руках.

– Эй, сюрприз!

Ерофеев побелел при виде оперов. Но тут же, швырнув пакет в их сторону, бросился бежать. Филин метнулся за ним.

– А ну стой, придурок!

Ерофеев лишь увеличил скорость. Рыча от злости, Филин мчался за ним, пытаясь сократить расстояние. Но Ерофеев бежал шустро и не собирался сдаваться: петляя между гаражами, он рвался к улице.

– Стой, башку откручу!

Ерофеев вылетел на улицу и помчался по тротуару. Свернув следом, Филин вдруг увидел синюю «десятку» в 15 метрах от угла – Ерофеев на бегу нажал кнопку брелока, заставляя машину вспыхнуть габаритами и с писком сняться с охраны. Он успел прыгнуть за руль и заблокировать все двери, когда Филин оказался рядом и кулаком двинул по стеклу.

– А ну открой!

– Не открою, – возразил Ерофеев.

– Я ж тебе зубы за эти дела выбью!

– Не выбьете!

Ерофеев вставил ключ в замок зажигания. Филин опешил от такой наглости.

– Только попробуй!

Ерофеев завел двигатель.

Филин прыгнул в сторону, вскинул руку с пистолетом и взял висок Ерофеева на прицел.

– Только тронься и я стреляю!

– Если успеете!

Ублюдок. Филин был в ярости. Он чуть поднял руку и сделал выстрел. От этого звука Ерофеев пригнулся, машинально прикрыв голову руками, и тут же испуганно завопил:

– Хорошо, хорошо, я выйду! Только не стреляйте!

– Из тачки быстро!

– И не бейте!

– Из тачки, твою мать, БЫСТРО!

Ерофеев тронул ручку дверцы и, жалкий и испуганный, выполз из машины. Филин тут же, стараясь делать все максимально грубо, развернул его, швырнув грудью на машину. Ерофеев ойкнул:

– Больно же!

Не выдержав, Филин вlepил ему подзатыльник. А со стороны гаражей к ним, улыбаясь, брел Попцов с пакетом Ерофеева в руке.

– Догнал?

– Ты где шляешься, Попцов, твою мать?

– Пакет надо было там бросить? Тут, кстати, анаша нефасованная, граммов двести точно.

– Это не мое! – пискнул Ерофеев и заслужил еще один подзатыльник от Филина.

– Только вякни у меня еще, урод!

Ерофеев пытался намекнуть на «договориться». Филин и сам предпочел бы завербовать его в стукачи и забыть о пакете с анашой, но тут уже было дело принципа. Траву изымали с дежурным следователем. Если бы до дежурки дошел слухок о стрельбе, разбирательство было бы по полной – с выездом начальства и следака СК на место и прочее. Поэтому выстрел в воздух остался маленьким секретом Филина и Ерофеева.

После обеда Филин взял уже оформленного и задержанного Ерофеева в обезьяннике и привел его в кабинет оперов, чтобы поговорить о Буче.

– Буч в больнице? – тот был искренне удивлен. – Да ладно!

– Хочешь сказать, ты не в курсе?

– А я-то тут при чем?

– Действительно. Вы с Бучем разругались в хлам, а потом его кто-то чуть не калечит во дворе. При чем тут ты, в натуре?

– Так это когда было, пару месяцев назад еще, – засуетился Ерофеев. – Ну, цапанулись и цапанулись, с кем не бывает. Я что, на отморозка похож? Если я каждому, с кем поцапаюсь, буду рыло чистить...

– На отморозка еще как похож, – перебил Филин. – Убегать от вооруженных ментов...

Ерофеев загрустил.

– Испугался я. У меня в гараже нычка была. Я там фасовал ну и все такое... А тут вы... Но это тем более не значит, что я на Буча полез. Мне с ним не по пути вообще. Я и наркотой не торгую, если что. Торчки слишком озверевшие и тупые пошли.

– А анаша не наркотики?

– Об этом до сих пор спорят в куче стран, а кое-где легализовали ее, так что...

– Вот только не надо мне тут дешевую философию разводить, – поморщился Филин.

– Да послушайте, мне этот Буч нафиг не упал вообще. Хотя... я тут слышал от знакомых кое-что. Он в последнее время оборзел, говорят, совсем.

– Это как?

– Бодяжить стал сильно. Слишком сильно. В итоге не товар, а фуфло. Так что если вы хотите знать, у кого был зуб на Буча, изучите как следует тех, кому он свое фуфло впаривал. Каждый из них с удовольствием бы Бучу все зубы повыбивал.

К сожалению, нотариально заверенного списка клиентов с адресами и телефонами у Буча при себе не имелось.

Филин расспрашивал Ерофеева еще около получаса, пока не позвонили из дежурки. Помдежа коротко бросил, что к Филину пришли. Филин оставил Ерофеева на Попцова и спустился на первый этаж. В предбаннике между входом в ОВД и дежуркой стояли несколько стульев для посетителей. Филин направился прямо туда. И застыл в дверях.

Завидев опера, с одного из стульев встала девушка. Танцовщица из «Саванны». Та самая, с синяком под глазом и с разбитой скулой. Только теперь к старым побоям добавились новые: к девушки была разбита губа, а подбородок слева припух и покраснел.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Помните меня?

– Созрели?

Девушка кивнула.

3

Выпроводив из кабинета Попцова и Ерофеева, Филин предложил девушке сесть и даже угостил кофе. Решение прийти сюда далось ей явно непросто. А учитывая, как важно было для Филина подгадать Штыку – а в идеале и вовсе закрыть его – действовать нужно было осторожно на всех этапах. Даже на этом.

– Как вас зовут?

– Катя. Екатерина... Томина.

– Отчество?

– Зачем?

– Для протокола.

По лицу Кати пробежал страх.

– Какого протокола?

Ясно. Поторопился. Филин ободряюще улыбнулся девушке:

– Шутка, не обращайтесь внимания.

– А... что в ней смешного?

– Давайте лучше о вас, Катя. Кто это сделал? Вы ведь поэтому пришли?

Филин указал кивком головы на ее лицо со следами побоев. Катя ответила также кивком.

– Поэтому. Но... не только.

– Это Штык?

– Кто?

– Артюков. Хозяин «Саванны».

– И он тоже. А еще два его... шныря. Локоть и Гепа.

Локоть дежурил у входа в «Саванну» позавчера, когда Филин встретил там Катю. Гепа тоже был в охране бара. Гепе больше бы подошла кличка Шкет: он был коротышкой, не больше 1,6 метра – но низкий рост Гепа с успехом компенсировал широченными плечами и мощным торсом.

– Они вас бьют? Зачем?

Долгая пауза. Катя не решалась начать.

– Это сложно так сразу...

– Мы никуда не спешим.

– Понимаете... Артюков, наш хозяин, и эти два его амбала-шныря... – сделав глубокий вдох и такой же глубокий выдох, Катя начала: – У Артюкова в клубе собирается всякая шваль. Часто его какие-то дружки бывают с уголовными рожами. В подвале бара есть несколько помещений. Что-то вроде VIP-зала. Но для своих, понимаете? Для его приятелей-уголовников.

Начало было интригующее.

– Так.

– И там же пара комнат... Это спальни. Некоторые из девчонок, которые в баре танцуют, они... как бы это сказать...

– Спят с теми, с кем им скажет Артюков?

– Да. Какие там дела у них творятся, я не знаю. И знать не хочу. Я в бар устроилась не так давно. Сначала все было в порядке. Деньги платят, в самом баре порядок, никто погромы не устраивает. Потом я стала соображать, почему. Артюкова все в районе боятся. Он вроде авторитета.

– Вроде авторитета, – буркнул Филин, сделав особый акцент на слове «вроде». – Но не авторитет. Только вроде.

– Ну вот, я работала, танцевала себе... Потом от девчонок узнала, что некоторые ходят вниз. Узнала, для чего. Я сначала в шоке была. Спрашиваю, как вы можете. А одна, Карина, говорит: «А я сначала не могла. Заставили».

– Били?

– Она не рассказывала. Но у нас все девчонки их боятся... Я сначала занервничала, конечно. Но потом это как-то забылось. А потом... на меня глаз положил один из его дружков.

– Кто?

– Откуда я знаю. Он паспорт не показывал...

– Положил глаз – и?

– Стал подкатывать. Я ему пощечину влепила. Он мне въехал. В живот. Прямо в зале. Артюков его вроде бы уговорил. Я в шоке была. Говорю, я в полицию пойду и на этого урода заяву кину. Тогда Артюков заявил, что цацкаться со мной никто не собирается. Если, мол, хочешь к ментам пойти – вперед. «Только потом тебя, сука, найдут где-нибудь за городом, топором порубленную». Это его слова.

– Жестко.

– Я опешила конечно. Говорю, я увольняюсь. Убежала. А потом ко мне приехали эти уроды. Локоть и Гепа. Прямо домой. Я с дуру открыла... Локоть меня ударил, потом заломил руки. Я думала, сломает... А Гепа нож к глазу приставил... И говорит, мол, если завтра не нарисуетесь на работе, мы тебя найдем и покалечим.

Филин нахмурился.

– Даже так?

– Это было... неделю назад. Я вышла на работу. Пару дней все было нормально. А вчера... вчера тот скотина опять приперся в бар. Который на меня глаз положил... Я в подсобке спряталась, чтоб он меня не увидел, не дай бог. А потом приходит Артюков. Мол, ты мне нужна внизу.

– А вы?

– А вы как думаете? – нервно отозвалась Катя. – Я в слезы. И он мне опять пару раз по лицу... Говорит, если не включишь мозги, я с тобой буду по-плохому. Говорит, была у меня одна такая недотрога месяца три назад. Тоже из себя... – Катя запнулась, прежде чем продолжить: – целку строила. Пришлось ей заняться. И теперь, говорит, до этой недотроги уже никто не дотронется. Никогда...

– Намекнул, что ее убили? – Катя кивнула. – Вы ему поверили?

– Я у девчонок потом спросила. Никто не захотел ничего говорить. Но у них лица были такие... Я поверила сразу. А я жить хочу, понимаете? Но я не собираюсь ложиться под каждую скотину, на которую мне эта гнида пальцем покажет! – Катя готова была заплакать, но держалась. – Я соврала, что у меня месячные и я сейчас не могу, ну плюс синяки... Сказала, через пару дней буду в норме. Тогда он ушел. А я сразу сбежала. Поспала, потом долго думала, что делать дальше... И вот я у вас. Жить-то хочется...

Филин был в смятении. Он всегда знал, что Артюков-Штык – конченный ублюдок. Но чтобы настолько... Это был сюрприз даже для опера.

– Катя, вы себя в руки возьмите, что ли. Еще кофе? – она помотала головой. – Знаете... Все это серьезно. Но кое-чего я все-таки не понимаю. Зачем все эти сложности?

– Что?

– Зачем угрожать девушкам? Запугивать, избивать? У нас в городе найдутся такие, кто с радостью за деньги будет спать с кем угодно. Зачем такие сложности?

– Откуда я знаю! – в ее глазах было отчаяние. – Вы мне что, не верите?

– Верю. Я вам верю. Но согласитесь, это странно. Я нее могу понять, зачем.

– Я не знаю, почему он не найдет проституток каких-нибудь... Знаете, мне не до этого сейчас! Я знаю, что мне угрожали убить меня, если я не буду выполнять все приказы Артюкова,

этой сволочи. Вот, что я знаю. – Она с надеждой посмотрела на Филина. – Вы мне поможете? Вы обещали. Помните?

Когда Филин дал девушке визитку – услышать от нее он рассчитывал что-нибудь другое.

– Помню. И я помогу. Надо только подумать, как... Сколько девушек работает в баре?

– Сколько танцуют или сколько работают всего?

– Сколько девушек, которых уже заставляли пройти через все это.

– Три. Валя, Марина и Света.

Если надавить на девчонок, можно разговорить их и раскрутить на показания. А четыре свидетеля – это уже что-то. Филин достал из ящика листок бумаги и положил перед Катей. Она испуганно посмотрела сначала на Филина, потом на бумагу, потом снова на Филина.

– Что это?

– Нужно ваше заявление. Письменное, Катя. Без него я связан по рукам и ногам и ничего не смогу делать. – Она колебалась. – Где вы живете?

– Я снимаю квартиру.

– Вы не из города?

– Нет. Я из Елецка. Вот.

Катя достала из сумочки паспорт. Разглядывая документ, Филин осведомился:

– Нет желания снять другую квартиру? Такую, где еще не успели побывать Гепи и Локоты?

– Думаете, я дура? Да я сразу же съехала. Я снимала комнату в общежитии на Котова. А сейчас у меня однушка на Паровозной. Почти без мебели и без удобств, зато дешево... О ней еще никто не знает, даже девчонки на работе.

Глядя на девушку, Филин поймал себя на мысли, что Катя ему нравится. Чтобы выступить против такого, как Штык, нужно не бояться. Другая бы просто умчалась из города, куда глаза глядят. Плюс – вроде бы – порядочная. С характером. И гордая.

– Катя. Если никто не знает об этой квартире, пока вам бояться нечего. Пару дней постарайтесь не высываться из дома. А я попробую заняться Штыком. Но для этого мне нужно заявление.

Филин настойчиво пододвинул лежащий перед Катей лист ближе к ней. Поколебавшись, она кивнула и взяла ручку.

Читая заявление, с каждой строчкой Басов хмурился все больше.

– Что за бред?

– Сам ты бред. Это реальная заявка от реального человека, Дим. Я тебе с первого дня говорил, что мы с «Саванной» намучаемся еще. При таком-то хозяине.

– Ты во все это веришь?

– Синяки свежие.

– Побой?

– Только что сняли, справка у меня.

– Черт...

Басов не испытывал никакого воодушевления по поводу заявления Кати.

– Что, связываться не хочешь? – догадался Филин. – Дим, брось ты. Этот Штык не депутат, не шишка, не родственник какого-нибудь чинуши или генерала – он никто. Просто зарвавшийся урка, которого давно пора поставить на место.

– Да не в этом дело, – нехотя пробурчал Басов, откладывая заявление в сторону. – Сама история мутная какая-то... Нахрена ему все это? Почему не позвать шалава из любого вон борделя? Да желающие в очередь встанут. Дверь закроешь – в окна ползут. И никого бить не надо. Тебе не кажется, что это все какая-то х... ня?

– Вот возьмем Штыка за яйца и спросим, что у него за х... ня.

Басов невольно подхохотнул, а Филин недовольно закричал – фраза прозвучала двусмысленно. Но тут же шеф угрозыска снова сделался серьезным, не собираясь сдаваться так быстро.

– Блин, у тебя работы мало, Леха? Пять висяков по квартирным. Гопники на Турбинной, уже три рывка за месяц... Плюс Буч этот с проломанной башкой...

– Висяками займусь, когда подвижки будут, – тут же отреагировал Филин. – Агентура заряжена. Гопники зашкерились, а ты мне людей не даешь, чтобы порейдовать по вечерам. По Бучу работаем. Напомнить тебе, кто сегодня кучу травы изъяс, а? Плюс сам Буч в больнице загорает, пока без сознания. Оклемается – тогда и поговорим.

– Отмазался, да?

– Диман, у нас на руках сто процентов рабочая заява, – настаивал Филин. – Я этого момента больше года ждал, твою мать. Чего ты боишься?

Басов поколебался, и Филин вдруг начал догадываться сам. Прищурившись, вкрадчиво спросил:

– Погоди. Или Штыка крышует кто-то?

– Не знаю, кто его крышует, – вздохнул Басов без всякого желания развивать эту тему. – Но кое-какие сплетни доходили, было дело.

– Что за сплетни?

– Ты как пиявка на заднице, Филин, честное слово... Якобы мужички из БЭПа как-то хотели на «Саванну» наехать. Потрясти, докопаться, все лицензии поднять, порейдовать пару раз... Ну, сам понимаешь.

– Выставить крышу, – кивнул Филин. – И?

– И не вышло ничего. Команда им пришла от «Саванны» отвалить.

– Откуда команда? – быстро спросил Филин.

– Думаешь, надо было им позвонить и спросить? – заворчал Басов. – «Мужики, а кто вам бар „Саванна“ приказал не доить? А дайте телефончик?»

Но Филин не унимался и даже не собирался сбавлять обороты.

– Дим, одно дело крышевать и прикрывать от проверок. А тут гольный криминал. Бар на моей земле. У меня на руках заява, которая подтверждается справкой о побоях. Перспективы есть. Твою мать, напиши на заяве свою долбанную резолюцию и дай поработать!

Басов сдался. И хмуро спросил последнее, что его интересовало:

– И что ты хочешь делать? По-тихому отработать, повестка и все дела? Или чтоб запомнилось?

Филин ядовито улыбнулся.

– А ты как думаешь?

Басов вздохнул.

Слова Басова заставили Филина задуматься. Поэтому он подстраховался. Местный участковый и БЭП, которых тоже привлекли к операции, узнали о ней за минуту до начала. По телефону. Отключившись, Филин скомандовал по рации:

– Начали.

Машина ППС тут же заблокировала заднюю дверь бара. А затем к фасаду «Саванны» подъехала целая колонна машин: Филин и Попцов на своей, еще один экипаж ППС и фургон, из которого высыпала силовая поддержка – полдюжины крепких ребят в черной униформе, в масках с прорезями для глаз и с автоматами в руках. Охранник на входе – это был Гепа – тут же рванул внутрь при появлении полиции. Но уже через несколько секунд в клуб ворвались спецназовцы, за которыми шагали Филин и Попцов.

– Полиция! – провозгласил Филин. – Выключите музыку!

Танцующие и люди за столиками замерли при виде «маски-шоу». Один из спецназовцев шагнул на сцену и что-то рявкнул ди-джею. Музыка тут же смолкла.

– Полиция! – громко повторил Филин. – Всем оставаться на своих местах и не дергаться, тогда никто не пострадает и все будет хорошо! Приготовьте документы!

Увидев Гепу, Филин бросил спецназовцам:

– Этого сразу в машину. Вы – за мной.

Проходя в сопровождении спецназа через соседний зал, Филин заметил за одним из столиков Тютюню. Тот отвел глаза. Но Филину сейчас было не до него.

Когда Филин и трое спецназовцев ворвались в служебные помещения, идущая по коридору танцовщица испуганно заверещала. Филин рявкнул, схватив ее за руку:

– Где подвал?

Продолжая верещать, она махнула рукой в сторону.

Штык-Артюков, Локоть и двое уголовников расслаблялись за столиком, слушая музыку и попивая дорогой алкоголь. На коленях одного из гостей сидела одна из танцовщиц – девица в шортиках и задранным лифчике со стразами – лапа гостя елозила по ее голой груди.

– Полиция, на пол всем!

Девица взвизгнула, отскочив в сторону и прикрыв грудь руками. Штык оторопело наблюдал, как его гостей укладывают на пол и грубо обыскивают.

– Тебя не касается? – зарычал один из бойцов на Штыка. – На пол!

– Эй, я хозяин бара и...!

Он не успел договорить, потому что боец схватил его за шиворот – Филин услышал, как раздался треск рвущейся рубахи – и швырнул на пол. Локоть поспешно улегся сам, привычно заложив руки за голову и растопырив ноги. Опыт общения с ментами налицо. Боец, который прощупывал карманы и одежду одного из гостей, достал пистолет и показал Филину.

– Ствол.

Но Филина интересовало другое. На столе стояла капсула размером с мизинец, наполненная белым порошком. Взяв ее двумя пальцами так, чтобы не оставить пальцев на боковых сторонах, Филин встряхнул.

– Что это? На герыч не похоже. Штык, уже и коксом балуешься?

– Этого здесь не было, – буркнул Штык.

– Ну конечно. Мужики, пакуйте всех.

Не найдя на столе ничего путного, Филин покосился на закрывавшую свои прелести руками девицу и криво усмехнулся.

– Резко стыдно стало? Выйди куда-нибудь и оденься.

Когда спецназовец поднял Штыка, тот с ненавистью в глазах процедил Филину:

– Ты мне ответишь.

Тогда Филин и сделал то, о чем мечтал давно. С силой, от души и смачно опер двинул Артюкову в рожу. С непривычки костяшкам было больно, Филин расцарапал их о зубы Штыка, но это стоило того. Голова Штыка дернулась, а сам он издал хрюкающий звук и, пыхтя, сплюнул кровь на пол.

Комната, где они находились, была обставлена по высшему разряду. Дорогой деревянный круглый стол, миниатюрная барная стойка, плазменный экран в полстены. В углах комнаты стояли стильные и высокие, в метр, вазы с какими-то ветками – как понял Филин, такие декоративные псевдо-растения сейчас в моде.

Девица, уже в лифчике, вышла из соседней комнаты.

– Ты тоже наверх, – бросил ей Филин, а сам, пока бойцы уводили задержанных, Филин заглянул туда. Катя была права. Полноценная жилая комната с двуспальной кроватью – настоящим сексодомом – посередине.

– Вот черт...

Когда Филин поднялся наверх, проверка шла полным ходом. Руководил Попцов. Некоторых оставляли в покое, на некоторых Попцов кивал, и их тут же уводили. Видя, что очередь Тютюни еще не дошла, Филин шагнул к нему и сухо бросил:

– Документы.

Тютюня, буравя Филина настороженным взглядом, достал паспорт. Сделав вид, что изучает документ, хотя там Филин не мог найти ничего, чего бы еще не знал, Филин тихо бросил:

– На остановке.

Тютюня еле заметно кивнул. Тогда Филин вернул ему паспорт и, обернувшись, бросил дежурящему на входе в зал ППСнику Самохину:

– Этого пропустите. – И, чтобы в глазах массовки оправдать проверку Тютюни, перешел к другому посетителю: – Документы.

Старая и грязная, покосившаяся и побитая там, где только можно, остановка общественного транспорта располагалась метрах в 200 от «Саванны», за углом. Филин смог добраться до нее только через полчаса, когда основная работа была закончена. Тютюня слонялся взад-вперед около остановки. При виде Филина он вздохнул с облегчением и плюхнулся на переднее пассажирское сиденье филинской машины.

– Тютюня, и давно ты в кабаке Штыка отвисаешь?

– А почему нет, – удивился тот. – Это единственный приличный кабачелло в этом курмыше.

– А ты никак баблом разжился?

– Только давайте не будем считать мое бабло, Борисыч, – поморщился Тютюня.

– Если ты что-то мутишь, я должен знать сразу. Лучше заранее быть в курсе, от чего тебя потом отмазывать придется.

Тютюня был осведомителем Филина. И не просто осведомителем, а одним из лучших. В некоторые моменты даже идейным, что сейчас редкость. Например, Тютюня не переносил наркоманов и торговцев наркотиками, от которых по молодости, растя в самом глухом гетто Промышленного района, натерпелся многого. Филин лукавил: Тютюня, хоть и вел свои дела – скажем, Филин точно знал, что Тютюня занимается скупкой краденого – не высовывался, работал осторожно и проблем не доставлял. Но информатором был ценным. Такие агенты для любого опера на вес золота.

– Чисто все, Борисыч, расслабьтесь. Кстати. Я тут по квартирным делам пробиваю, как вы просили. Говорят, неместный хаты чистил на вашем участке, Борисыч.

Филин выругался.

– Так и знал. Гастролер, твою мать... Поэтому и затишье. Черт... Тютюня, а кто он вообще? Хоть что-нибудь мне дай.

– Говорят, типа цыган какой-то. Еще слышал, что он на рынке нашем отирался недели две назад. В шашлычной у Арсена поспрашивай, наверняка там светился. Или у торгашей.

– Уже что-то.

– А вы никак Штыка поджарить хотите, а? Погоны новые Борисыч захотел?

Тютюня расплылся в ухмылке, но, встретив хмурый взгляд Филина, осекся и кашлянул.

– Тютюня, ты Буча знаешь? Его кто-то оприходовал некрасиво. Буч в больнице валяется с сотрясением и уже два дня в сознание не приходит.

– Туда ему и дорога, Борисыч. Буч гнилой черт.

– В курсе. Но сомневаюсь, что тот кто его разукрасил, чем-то лучше. Ничего не слышал?

– Могу поспрашивать, без базара.

– Ты Буча хорошо знаешь? Кто у него закупается? Говорят, это мог быть один из его клиентов. Или нет. Знаю, что это был какой-то здоровяк.

– Здоровяков много, – проворчал Тютюня. – Если что услышу, цыкану, Борисыч. Но много не жди, я за каждую тему хвататься не могу, сам понимаешь.

Филин кивнул. Конспирация и работа по-тихому – всегда в приоритете.

Когда Тютюня вышел из машины, Филин отправился в отдел. Здесь кипела полным ходом работа по результатам облавы. Задержанных отдактилоскопировали и, оформив, допрашивали по очереди – этим занимались Филин и Попцов. Пробирку с наркотой и изъятый пистолет отправили на экспертизу, которая в лучшем случае будет через пару дней. Покончив с гостями Артюкова, Филин взялся за него самого, любуясь распухшими и кровоточащими губами Штыка.

– Девчонок избиваешь, принуждаешь к сексу с твоими корешами? Совсем страх потерял? Думаешь, тебя после трех ходок на зоне за такие дела в авторитете держать будут?

– Каких девчонок, какой секс, ты о чем вообще? – горячился Штык. – Я никого не избивал ни разу, зачем мне это? Что за х... ню ты паришь?

– За базаром следи, чмо, – рявкнул Филин. – Или еще раз по роже захотел?

Филин замахнулся. Штык вздрогнул и отпрянул, но тут же налился кровью от ярости – на себя за слабинку и на опера за эту выходку.

– На каком основании вы разгромили мой бар? Я как бизнесмен терплю убытки. Вас, может, мои конкуренты наняли?

– Какие конкуренты, Штык? Во всей округе ни одного бара, кроме твоего.

– Тогда кто нанял?

– Еще раз в зубы захотел, урод?

– На каком основании, я спрашиваю? Вы можете мне сказать? Заява какая-то? Хорошо, покажи мне эту заяву, я весь расклад дам. Там порожняк полный, отвечаю.

Параллельно Попцов «окучивал» Локтя, который лишь талдычил словно заученную фразу:

– Я никого не бил, я просто охранник.

– А в подвале что делал? Наркоту на столе охранял, секьюрити недоделанный?

– Зашел по работе на минуту, а тут вы.

– Локоть, мозги мне не парь. На тебя заяву кинули, так что тебе статья грозит. Вместо того, чтобы пальцы гнуть, подумай, как выпутываться. Или на зону захотел?

– Мне нечего сказать. Я никого не бил, я просто охранник.

Когда Штык услышал от Филина про заявление, его глаза на секунду забежали. Секунда – но Филину было достаточно, чтобы понять – все так и было, как сказала Катя. Но Штык мгновенно взял себя в руки.

– Погоди-погоди. Томина заяву написала, да? Вот сучка... Давно надо было ее уволить. Она вчера в баре сцену отмочила. К ней какой-то мужик подвалил, пощупать ее хотел. Ничего особенного, просто поухаживать. Так она, вместо того, чтобы отшить его тихо-мирно, как остальные девчонки делают, по роже ему заехала.

– Да ты что? Вчера?

– Ага. Мужик разозлился, ясен хрен. Пока охрана прибежала, он ей в обратку пару раз съездить успел. Его, конечно, выкинули сразу. Но только я тут при чем? Или она думает, что это мой кореш был? Базара нет, я клиентам улыбаюсь и все такое. Это бизнес, так дела и делаются, аллэ!

– Значит, вчера? А кто в охране был? Гепа или Локоть?

Штык снова замешкался. Ни один из них не был в курсе только что придуманной им легенды.

– Не помню.

– Хороший бизнесмен. Ты под кайфом все время или как, Штык? Ты даже не в курсе, кто у тебя когда работает?

– У меня стресс, б..., непонятно, что ли?

– После трех отсидок ментовская облава стресс вызывает? – издевательски хмыкнул Филин. – Да ты очкун, чувак. Небось, все три срока у параша мотал, а?

Гепа на допросе и вовсе отказался говорить. Он просто молчал, как немой. С танцовщицами и вовсе случился прокол. В отдел доставили трех девушек, которых назвала Катя: Валентину Гантову, Марину Мальцеву и Светлану Богомолкову. Валя испуганно отнекивалась:

– Я вообще не знаю, о чем вы. Меня никто не бил ни разу в баре. У нас охрана.

– Я понимаю, ты напугана и покрываешь Артюкова и его шестерок, – убеждал ее Попцов. – Но Валя, если ты дашь показания, их закроют.

Валя продолжала делать вид, будто не понимает, о чем речь. Марина – та самая, которая восседала на коленях у одного из корешей Штыка с задраным до подбородка лифчиком – была более смелая. Ни тени страха и сомнения.

– Да, я была там с ними, на коленях у одного сидела, и что? Я сама захотела. Я женщина, он мужчина, что не так?

– Развлечься захотелось, значит?

– Почему нет? Я молодая и красивая. Чего время терять?

– Давно колешься, Марина?

Дорожку от уколов Попцов заметил сразу, как Марина вошла в кабинет. Она тут же накрыла локтевой сгиб ладонью.

– Они тебя подсадили и ты сама? Спишь за дозу, угадал?

– Я не наркоманка.

– Да ладно? А давай я тебя на пару суток в обезьяннике закрою – и посмотрим?

Тут Марина занервничала.

– Я ничего не сделала, хватит меня допрашивать! Когда вы меня отпустите?!...

Допросы продолжались несколько часов. Результат был нулевой. Хотя – почти нулевой. Когда Попцов и Филин вышли из ОВД на ночную улицу и побрели к своим машинам, Филин, закулив, сказал:

– Штык нервничает, хоть и пытается скрыть. Прогнал мне порожняк, якобы Катю вчера какой-то клиент отоварил. Прямо в баре. Я ему предложил написать объяснительную. Он сразу отказался, гнида. Сообразил, что остальные вообще не в курсах.

– Девчонки тоже нервничают, – согласился Попцов. – Одна из них на игле, кстати. И все боятся.

– Если Штык на самом деле со своими корешками одну из девчонок замочил за то, что она упиралась, это в общем-то и неудивительно.

– Все равно я не врублюсь, зачем это.

Попцов покачал головой. Филин был согласен, что ситуация была странной. Если бы девушек держали как рабынь и не платили за секс с клиентами – принуждение было бы логичной для преступников мерой. Но почему, черт побери, Штык не пригласил в свой бар несколько проституток для ублажения своих приятелей?! Филин не понимал этого, как и остальные.

Однако после допросов он окончательно убедился в правоте Кати.

– Штык мутит в баре какие-то свои дела, – сказал Филин, подумав. – Мы не знаем, какие дела. Но ствол, кокаин... Когда ты последний раз у нас на земле изымал кокаин?

– Сегодня у нас что, среда? Дай подумаю... Никогда, – сострил Попцов.

– Вот и я о том же. А тут – на тебе, кокс. Штык хочет развернуться в районе, и «Саванна» для него что-то вроде штаба. Может, он не хочет допускать туда посторонних. Проститутки народ болтливый, сам знаешь. Особенно под кайфом, или когда напьются...

– Гадать можно до бесконечности. Нужна доказуха. А с этим мы хромаем.

– Ни хрена мы не хромаем, – уперся Филин. – Будем копать. Постараюсь выбить обыск у Штыка дома. Нароботаем доказуху, Ром.

Попцов скептически пожал плечами и протянул руку:

– Ладно, до завтра.

Сев в машину, Филин покати́л домой. Часы на дисплее над магнитолой показывали второй час ночи. Учитывая вечернюю облаву, не так и рано.

По пути Филин купил 6 бутылок пива. Завтра на работу, но успокоиться он не мог. Зная, что Филин именно сейчас впервые за год имеет возможность подобраться к Штыку вплотную и упечь его за решетку, Филин боялся, что не сможет это сделать – и тот соскочит. Поэтому он думал. А когда мозги и нервы на взводе, тут не до сна. Дома, открыв пиво и включив телевизор, Филин хотел позвонить Кате – но сообразил, что сейчас глубокая ночь. С другой стороны, она танцовщица, привыкшая работать до утра... Рука уже потянулась к телефону. Но Филин остановил себя. Завтра.

А когда он допивал вторую бутылку, сотовый зазвонил сам. Первой мыслью было – что-то срочное в отделе. Кто еще может звонить в два ночи. Схватив телефон, Филин с удивлением увидел на дисплее мобилы имя абонента.

«Лена».

Лена? В два ночи? Спустя сутки после того, как сама же бросила его?

– Алло?

В трубке была тишина. Полное молчание.

– Алло, Лен?

Молчание. Прислушавшись, Филин различил еле слышное дыхание. Его слушали. Ничего не понимая, Филин отставил бутылку пива.

– Лен, ты чего? Скажи что-нибудь.

Молчание и лишь тихое дыхание.

– Лен, не смешно. Сейчас два ночи.

Молчание и тихое дыхание.

Внезапно Филин ощутил тревогу. Это была не Лена. Он узнал ее достаточно за эти месяцы. Во-первых, она бы не позвонила, а написала СМС. Во-вторых, даже если бы ей приспичило позвонить среди ночи – совершенно не в ее характере молчать в трубку. А еще... в самом этом дыхании было что-то зловещее. Настолько зловещее, что по спине Филина змеей проползла тревога.

– Лен, что случилось?

Динамик тихонько пискнул, и наступила тишина. Посмотрев на дисплей, Филин понял, что собеседник просто отключился.

– Какого черта вообще...?

Филин набрал номер Лены. Гудок. Еще один. И еще. А потом – еще и еще. Трубку никто не брал. Ничего не понимая, Филин отключился и перезвонил. Та же история. Никто не отвечает.

Отложив телефон в сторону, Филин снова взялся за пиво. Но теперь он думал о Лене. Заскучала? Поняла, что зря рассталась с ним? Лена бы не звонила ночью. Выпила? Все равно. Выпила много? Лена не пила много. После двух бокалов вина ее уже тянуло в сон. Но даже если бы и так – она, черт побери, не молчала бы, слушая, как Филин распинается со своими «Алло».

Мысли о Лене и странном звонке не покидали Филина. И он чувствовал, как тревога нарастает. Тревога и ощущение того, что произошло что-то плохое. Или даже очень плохое. А своей интуиции он доверял всегда. Несколько раз предчувствие спасало Филину жизнь. И вот сейчас это предчувствие говорило ему – беда.

– Черт!

Не выдержав, Филин вскочил. Нацепив на плечи кобуру, сунул в карманы ключи от дома и машины – и шагнул за дверь. Машина еще не успела толком остыть, поэтому, заведя его, Филин сразу дал газу.

Лена жила недалеко, на его рабочей «земле». Десять минут днем, при относительно оживленном дорожном движении, и максимум пять минут ночью. По пути Филин не выдержал и набрал Лену снова. Трубку никто не берет. Чертыхнувшись, Филин сунул телефон в карман и лишь увеличил скорость.

Во дворе было темно и пусто. Выскочив и машины около подъезда Лены, Филин быстро направился к дверям дома. Закрыто. Но Филин на то и опер, чтобы легко решать такие вопросы – на связке его ключей были несколько домофонных «вездеходов» – ключей-отмычек для всех типов домофонных замков, по крайней мере в жилых домах Промышленного. Подошел первый же. Издав тихую и короткую трель, дверь отворилась, и Филин быстро двинулся вверх.

Тревога нарастала с каждым шагом, и последний пролет он преодолевал уже бегом. Вот и дверь. Следов взлома нет, криков и шума внутри – тоже. Филин нажал на кнопку звонка.

– Только не открой, – проворчал он и, на всякий случай, позвонил еще два раза подряд. Никакой реакции. Машинально Филин тронул ручку замка, повернув и потянув на себя. Дверь открылась.

В этот момент колокольчик тревоги, позвякивавший в его душе, превратился в набат, который раскатами грома забился барабанных перепонках.

Никто, никто и никогда не оставляет в Промышленном районе открытую квартиру в два часа ночи. Рука сама потянулась к пистолету, и Филин шагнул в квартиру.

В прихожей и комнатах горел свет. Стояла гробовая тишина.

Филин вдруг подумал, каким окажется идиотом, если Лена не одна. Она с мужиком, они лежат в кровати. Мужик, сонно и удовлетворенно развалившись на диване, одной рукой обнимает Лену, а второй и поглаживает свой живот. Будет смешно.

Но Филин в это не верил.

Смешно не будет.

– Лена, ты дома?

Он осторожно шел, пробираясь вглубь квартиры и прислушиваясь. Гробовая тишина.

В единственной жилой комнате однокомнатной квартиры Лены никого не было. Включенный свет, разложенная смятая кровать. Филин заглянул на кухню. Никого. Филин был в смятении. Где Лена?

В квартире было еще лишь одно помещение. Совмещенный санузел, ванная и туалет. Его Филин проверял уже по привычке, лихорадочно гадая, куда могла запропасться Лена из собственной квартиры, даже не заперевав ее. Побежала к соседям? «Скорая»?...

Открыв дверь, Филин бросил туда короткий взгляд. И тут же замер, смертельно бледнея и не сводя глаз с того, что он увидел.

Лена лежала в воде. На ней был домашний халатик. Одна нога высывалась из ванной и свисала наружу. С кончика большого пальца капали редкие капли, под ногой на коврик было влажное пятно размером с кулак. Глаза Лены были открыты, рот перекошен. В глазах застыл ужас. Она была мертва.

Филин был в шоке, он таращился на Лену и не мог поверить в происходящее. Как это возможно? Медленно, как зомби, шагнув в ванную, Филин дотронулся до торчащего из ванной колена Лены.

Лена была теплой. Ее убили буквально только что. Утопили в собственной ванной.

И вдруг в гробовой тишине квартиры Филин услышал, как хлопнула входная дверь, и по полу прихожей загремел топот ног.

Вскинув оружие, Филин выскочил из ванной и взял на мушку ублюдка.

– Замри, сука! – проревел он.

– Брось оружие, полиция, буду стрелять! – заорали одновременно в два голоса визитеры, беря на прицел Филина.

Пораженный Филин несколько секунд смотрел на них, а они с тем же изумленным видом на него. Эти были ППСник Самохин и его напарник.

– Леха? Ты...? Какого х... я ты тут?

В глазах Филина все плыло, в голове гудело. Словно пьяный, он опустил пистолет и мощной ладонью сжал лоб. Надо собраться, Филин, надо собраться.

– Вас кто-то вызвал? – спросил он.

Самохин, ничего не понимая, таращился на Филина и на труп в ванной.

– Мы-то ладно, ты тут... Лех, че за дела?

– Вас кто-то вызвал? – не выдержав, рявкнул Филин. – Как вы здесь оказались? Почему сейчас? Отвечай!

– По «02» звонок прошел, что тут человека убивают... Только что. Мы рядом были, минуты две и мы здесь...

Филин не мог в это поверить. Он обернулся на Лену. После слов Самохина до Филина дошел смысл происходящего, и Филин почувствовал, как его прошибает холодный пот, а в груди что-то сжимается.

На телефон дежурной части УВД города звонил убийца Лены. Тот самый убийца, который перед этим позвонил Филину и заставил его приехать сюда.

– Вызывайте группу, – тихо произнес он.

Часть 2

1

– Кто-нибудь из соседей тебя видел, Филин?
– Издеваетесь? Было почти два часа ночи. У меня в подъезде пенсионеры в основном.
– То есть, никто не может подтвердить, что ты вообще заезжал домой перед тем, как убить Елену Ермишко?

Филин поднял глаза на Хрулева. Около 40, сухощавый, жесткое и волевое, но неприятное лицо. Типичный УСБшник, хоть сейчас на плакат-агитку для управления собственной безопасности. «Погоны еще на вас? Тогда мы летим к вам».

– Дешевый прием, майор. Я не убивал Лену.
– Хорошо. Давай сначала, Филин. Она тебе позвонила. Во сколько?
– Где-то без десяти или без пяти два. Точно не помню. Можно посмотреть в телефоне.
– По твоим словам, ты больше не встречаешься с этой женщиной. Но вот она тебе позвонила, не сказала ни слова. И ты поехал к ней. Объясни, зачем?
– Я уже говорил.
– Скажи снова.
– Она бы не стала звонить и молчать в трубку. Тем более в такое время.
– Почему?
– Потому что не стала бы.
– Ты так хорошо ее знал?
– Мы встречались.
– Как долго, кстати?
– Это я тоже уже говорил. Примерно полгода.

– Примерно полгода, примерно без пяти два... Ты мало в чем уверен, Филин, да? Но готов поклясться, что бывшая любовница не стала бы тебе звонить в два ночи? Забавно. Ты ни в чем не уверен, кроме этого.

– Я уверен много в чем. Например, что ты зря теряешь время, майор. Понятно, выслужиться хочется. Но я ничего не делал. А задача УСБ, если что – не только вешать на ментов всех собак, но и защищать их.

– Во-первых, ты мне не указывай, – процедил Хрулев. – А во-вторых, Филин, тыкать ты своим собутыльникам по отделу будешь. Мне не надо. Уяснил?

Филин промолчал. Покосился на стоящего в стороне УСБшника номер два. Капитан Копылов. Лет 25, максимум 27. Совсем молодой, но уже капитан. Видимо, умеет выслуживаться. Копылов хранил молчание.

Допрос продолжался почти час. Филин не знал, сколько именно времени. Знал, что еще ночь. Опергруппа из отдела прибыла на место убийства Лены уже через 15 минут. К этому времени Филин выяснил, что в квартире Лены ничего не пропало, и успел убедить дежурного бросить всех ППСников на прочесывание района. Опер, работавший в ночь, Филину не мешал. Но уже через полчаса приехали Хрулев и Копылов из УСБ и велели Филину ехать с ним. На этом работа по горячим следам для Филина закончилась, толком и не начавшись.

– Ладно, Филин. Как ты с ней познакомился? Она была твоей терпилой?
– Да.
– По какому делу?
– Автоподстава. Один засранец по кличке Блоха подставился на своей «пятерке» и стал трясти с нее деньги. Обещал свернуть ей голову, если она не заплатит.

– Ты его задержал, а потом трахнул барышню? Молодец, своего не упустишь. Так теперь дела делаются?

Филин, чувствуя, что багровеет, хотел сказать Хрулеву все, что о нем думает. Но тот сам сменил тему.

– Ладно, Филин. Просто посмотри на ситуацию моими глазами. Кто-то звонит по «02» и говорит, что прямо сейчас происходит убийство. Патруль прибывает на место очень быстро. А там они застают тебя со стволом в руках и труп твоей любовницы. Ты бы сам что подумал?

Положение действительно было отвратительное. Но вставать в положение УСБшников Филин не собирался.

– Я работал до ночи. Потом поехал домой. Решил выпить пива. Бутылки кстати до сих пор там стоят. А потом этот звонок. На Лену это было непохоже. Я уже объяснял, майор, эту женщину я знал неплохо. Ночью она вообще не стала бы звонить. Максимум – написала бы СМСку. А звонить и молчать... Вообще не в ее стиле. Поэтому я решил, что у нее что-то стряслось. Мало ли, что может быть. Да что угодно. Поэтому я решил сгонять к ней и проверить. Тем более, живет она рядом.

– Пять минут ехать примерно, да?

– Где-то так. Специально для УСБ могу прокатиться туда-назад с секундомером.

– Ты у меня по камере будешь ходить взад-вперед с секундомером, Филин, – угрожающе буркнул Хрулев. Похоже, резкая смена настроения, чтобы сбить допрашиваемого с толку – любимый прием УСБшника. – Хорош пудрить мне мозги. Все ясно, как день. Ты выпил, как ты сам, кстати, только что сказал. Захотелось поразвлечься. А тут вдруг бывшая звонит. Как удобно, а? Моча бьет тебе в голову. Ты едешь к ней, чтобы получить свою порцию, блин, любви и ласки. Она тебя отшивает. Может быть, орет. А ты под градусом. Ты бьешь ее, а потом топишь в ванной. Да вот незадача – тут же приезжают ППСники и застукивают тебя на месте.

Филин вздохнул, заставляя себе успокоиться.

– Какую еще порцию любви и ласки, майор? Мы только что накрыли кабак, притащили оттуда несколько полуголых шалав. Если бы мне срочно понадобилась баба, я бы остался в отделе.

– Может, не срослось. А полуголые шалавы только воображение подстегнули. Да, Филин? Мы же знаем, как это у мужиков бывает?

– Тебе-то откуда, – не сдержался Филин.

Хрулев налился гневом.

– За базаром своим следи. А хамить мне не советую, запомни. Ты сейчас не в том положении, оперок. Ты мне про этот долбанный звонок уже всю плешь проел. Да ты сам и позвонил с ее номера, чтобы попытаться соскочить! Со мной этот номер не пройдет, уяснил?

– Я сам позвонил с ее номера? – усмехнулся Филин. – Зачем? Проверьте по времени, звонок на мой сотовый был минут на десять раньше приезда ППСников на квартиру. Я мог спокойно свалить. Или, по-вашему, я специально ждал там ментов, чтобы потом всю ночь на тупые вопросы отвечать?

Хрулев на миг растерялся – версия со звонком действительно не срабатывала. В этот момент в разговор, приходя старшему коллеге на помощь, вступил молчавший до этого Копылов.

– Капитан Филин, а почему вы расстались с этой женщиной? С Ермишко?

– По ее инициативе.

– Вас это задело?

– Хотел вены себе вскрыть, но поплакал и отошел, – не удержался Филин. – Слушайте, я взрослый человек. Мы просто спали какое-то время. Встречались раза два в неделю и все. Никто ни по кому не сходил с ума.

– Но вы же согласны, что все это подозрительно выглядит.

Филин был согласен. Но предпочел не отвечать на вопрос.

– Филин, а ты выпиваешь, значит, – снова начал свою волюнку Хрулев. – Забуживаешь или так, по вечерам?

– Спросите в отделе. Ползающим на четвереньках и блюющим по углам меня там никто не видел.

– Работа трудная, многие выпивают, – продолжал Хрулев, не слушая его. – Особенно в Промышленном. Сплошные убийства, бытовухи, мордобои. Алкашня, урки, наркоманы. Чернуха и безнадега. Сложно не слететь с катушек от такого, наверное? Как же без разрядки, да, Филин?

Филин не выдержал. Произошло убийство, дело было серьезное, но его нервная система и без ублюдка из УСБ была на пределе.

– У нас в отделе триста человек личного состава. И никто пока не пошел людей крошить направо и налево. А работа трудная, без базара. Бандитов ловить дело вообще непростое. Если бы ты, майор, когда-нибудь попробовал – понял бы.

Хрулев открыл рот, чтобы снова рявкнуть, но Филин опередил его, решительно перехватывая инициативу:

– И не надо мне тут указывать, как к тебе обращаться. Я знаю и свои права, и твои. Хочешь уважительного обращения – начни с себя, майор. А я уже сказал все, что мог. Ответил на все твои вопросы и на все твои провокации. А сейчас я хочу спать. Если тебе есть что предъявлять мне, чтобы закрыть меня в изоляторе – вперед. Хоть на шконке да посплю. Только сначала поясни, на каком основании. А если нет – я пойду спать.

Он встал, вопросительно глядя на Хрулева и Копылова. Хрулев, буравя Филина недобрым взглядом, нехотя махнул головой на дверь.

– Свободен.

Когда Филин шагнул к двери, Хрулев не удержался и добавил:

– Только капитан... Из города не смойся. Иначе разговор будет совсем другим.

Уже светало. Филину дали приехать в УСБ на своей машине, поэтому, сев за руль, Филин наконец-то смог расслабиться. Он закурил. Голова раскалывалась. Докурив, он понял, что сил ехать домой у него нет. Да и зачем – через несколько часов уже надо быть в отделе. Поэтому Филин сразу направился в 3—й ОВД и, поднявшись к себе в кабинет, растянулся на старом продавленном диванчике.

В 8.45 в отделе объявился Басов. И первым делом зашел к Филину, разбудив его. Чтобы начать расспрашивать, Филин вскипятил чайник и сделал себе крепкий кофе.

– Влип ты, Леха, – покачал головой Басов, выслушав его историю от начала до конца.

– Да не влип я никуда. Этот опарыш из УСБ... работа у него такая. Повесить на меня ничего не получится. Звонок ни к месту. Звонок был нужен, чтобы затащить меня в квартиру к Лене. Чтобы я нашел труп. И чтобы меня там застукали наши. Но этот же звонок не клеится, если попытаться пришить мне мокруху.

– Ты вчера много выпил?

– Издеваешься? Две бутылки пива. Ни о чем вообще. Хотел отметить успешную облаву. – Филин выругался. – Отметил, твою мать...

– Возьмешь отгул?

– Нет, спасибо. Дим, какая-то тварь завалила мою бывшую. И самое дикое, что эта тварь попыталась меня в эту фигну втянуть.

– Версии есть?

– Смеешься? Ни одной, – подумав, Филин покосился на Басова. – Дим, можешь кое-что сделать для меня? Достань запись с «02». Тот звонок, когда об убийстве Лены на городской номер сообщили.

Басов нахмурился.

– Филин, не лезь сюда. Мокрухой будут заниматься другие люди. Не исключено, что главк.

– Я уже влез сюда по самые не хочу.

– Вот поэтому осади коней и сиди ниже воды, тише травы.

– Просто достань мне эту долбанную запись и все. Вдруг я узнаю голос?

Басов колебался.

– Ты уверен, что это не твоя утопленница звонила?

– Сто процентов. Сама она не стала бы, если бы все было в порядке. Да и странное совпадение было бы – она звонит и молчит, а потом к ней вламываются и убивают ее. А если бы ублюдок заставил ее позвонить... были бы какие-то звуки. Шорох, шепот на дальнем плане. Или Лена бы дышала часто и нервно... – Филин покачал головой. – Я слышал дыхание, Дим. Ублюдок молчал, дышал в трубку и слушал. Когда понял, что я занервничал и заглотил крючок – положил трубку. Это подстава. Но чья... без понятия. Я вообще не понимаю, что творится.

– Только не раскисай, что ли.

– Достанешь запись звонка с «02» – не буду раскисать.

– Черт с тобой, – проворчал Басов, вставая. – А что с «Саванной» – то? Нарботали после облавы что-нибудь?

Филин с трудом переключил мысли на вчерашние события. Теперь ему казалось, что прошла неделя, а не считанные часы.

– Кое-что есть. У Штыка были двое гостей-уркаганов. У одного был ствол, а сам он в розыске. За изнасилование. – Басов удивленно присвистнул. – Вот именно, Дим. И он не просто туда выпить зашел. Он там отсиживался. Жил в подвале кабака, ночевал в одной из спален.

– А второй?

– У него был кокаин. Чуть больше грамма. Но это было не для кайфануть, Дим, это был пробник. Штык, походу, планирует взяться за наркоту. Так что «Саванна» это не просто бандитский кабак. Для Штыка это что-то вроде штаба. Наркота, берлога для тех, кто в розыске. Если бы мы вовремя не остановили Штыка, он бы развернулся по полной. И к нему уже было бы не подступиться... А я с самого начала предупреждал.

– Вот никак ты без этого не можешь, да? – проворчал Басов. – А по заяве? Подтверждается что-нибудь?

– Надо работать, Дим. Не все сразу.

– Вот и работай. И кстати... Из больницы звонили в дежурку. Буч оклемался. Так что дуй туда. А про убийство своей бывшей забудь, понял меня?

Увидев неопределенный кивок Филина, Басов вздохнул и вышел.

В больницу к Бучу Филин отправился вместе с Попцовым сразу после утреннего развода. По пути пришлось пересказать в деталях ночную историю с Леной – Попцов был поражен не меньше Филина. И тоже не мог подсказать ни одной адекватной версии, кто бы мог за этим стоять.

Буч выглядел паршиво. Из вены торчала игла, через которую поступал питательный раствор из капельницы. Верхняя часть головы Буча была покрыта толстым слоем бинтов, сквозь которые в нескольких местах проступали пятна крови. По словам врача, Бучу пришлось просверлить пару дырок в черепной коробке, чтобы он не умер от кровоизлияния в мозг. Буч

лежал, больше похожий на овощ, чем на бойкого наркоторговца, слабо моргал и говорил тихо и нечленораздельно.

– Буч, тебя нашли во дворе, напротив твоего подъезда, – говорил Филин. – Соседи сказали, что перед этим ты там с кем-то ругался. Помнишь?

– Нет.

– У тебя амнезия? – хмыкнул Попцов. – Как в мексиканском сериале или что?

– Нет. Но я этого не помню...

– Буч, дело серьезное, ты чуть копыта не отбросил, – давил Филин. – Давай, шевели мозгами. Теми, которые остались. Кто это был?

– Не знаю.

– Черт... Хорошо, зайдем с другой стороны. Это был какой-то здоровяк. Бугай. Высокий и плотный, как я понял. У кого был на тебя зуб?

– Я таких не знаю.

– Вот только не надо, Буч. Все ты знаешь. В твою амнезию я не верю. Скажи, кто это был, и мы отстанем.

– У тебя проблемы, Буч, – поддержал напарника Попцов. – А мы предлагаем тебе помочь. Цени момент.

Буч закрыл глаза. Филин уже начал думать, что он отключился. Но Буч пробормотал – голос был слабым, но в нем явно слышались решительные нотки.

– Со своими проблемами я сам справляюсь.

– Э, крутой чувак, ты даже до туалета сейчас не можешь сам дойти, – поморщился Филин. – Мы тебя что, упрашивать должны? Кто это был?

– Сказал же. Я разберусь сам со своими проблемами... – и, чтобы отвязаться от докучающих оперов, Буч слабо скривился: – Позовите медсестру.

Филин и Попцов отстали от Буча далеко не сразу, но ничего добиться от него так и не получилось. По дороге в отдел Филин ворчал:

– Лежит с дырками в черепе, одной ногой в гробу, а все туда же. «Я сам разберусь»... Лучше бы его прибили на месте.

– Если он фуфлю клиентам впаривает, то долго не протянет, не переживай, – утешил его Попцов. – Лех, а по поводу твоей бывшей. Что, вообще никаких мыслей?

Филин покачал головой.

– Мы с Ленкой не бывали нигде. Общих знакомых вроде бы тоже нет. С соседями она не конфликтовала, я бы знал...

– Ее не обкрадывали, не грабили – ничего?

– Вот именно. Единственный криминал, который у нее был в жизни – это та автоподстава. Помнишь материал? Блоха.

– Блоха? – Попцов нахмурился, вспоминая. – А, ну да. На разбитой «пятерке»... Я, кстати, про этого Блоху на днях что-то слышал.

Филин оцепенел.

– Что слышал? Где?

– От следаков наших. Что-то про суд.

Ничего больше Попцов вспомнить не смог. Поэтому сразу по прибытии в отдел Филин побежал к следователям. Найдя следака, который вел уголовное дело по делу Лены, Филин набросился на него с расспросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.